Я не знаю, кто именно там, на небесах, распоряжается, сколько отпущено жить и творить писателю. Только вижу, что как-то не всегда справедливо получается в этом вопросе. Иной уж писать давно забросил, а ничего, коптит себе помаленьку – и пусть, конечно, живёт на здоровье! Я ж не против тех, кто живёт – я за то, чтобы автор (настоящий Автор) имел возможность завершить свой труд, выполнить свою миссию, своё предназначение на нашем грешном белом свете!

В данном случае я речь веду о замечательном писателе Евгении Красницком, покинувшем наш мир пять лет назад, и о его оставшемся неоконченным романе «Бешеный Лис», эпопее, в которую вошли романы «Отрок» и «Сотник».

В мире всё диалектично. Раньше, в советские времена, писателей было не так много, и самых выдающихся мы знали пофамильно. Сейчас написать и издать книгу под силу каждому. В результате столько достойных внимания произведений и авторов оказывается вне поля нашего внимания! Теряются они в книжном океане!

«Выпей море, Ксанф!». Эта знаменитая фраза вполне применима к нынешней ситуации на книжном рынке. Правда, хитроумный Эзоп порекомендовал отделить воду собственно моря от воды впадающих в него рек; так и здесь: попробуй отследить все достойные нашего внимания книги!

Вот так и проскочила мимо моего внимания эпопея Красницкого. Благо, подсказал сын, зная мои литературные предпочтения.

А оно вон как вышло: только начал читать, и тут же узнал, что автор, Евгений Красницкий, ушёл из жизни, не только не дописав своего великого труда, но не успев даже развернуться как следует!

Итак, эпопея про Бешеного Лиса, изложенная в книгах с вполне спокойными названиями «Отрок», «Сотник»…

Николай СТАРОДЫМОВ

Что там, на недописанных страницах?..

О романе Евгения Красницкого «Бешеный Лис»

Когда рекомендуешь кому-то к прочтению книгу, иной раз приходится быть очень осторожным. Потому что нечётко сформулируешь свою мысль, и разом отпугнёшь собеседника от произведения.

Произведение, о котором идёт речь – что это?.. К какому жанру его отнести? Для любителей подобной классификации на такой, казалось бы, простой вопрос и ответа сходу не подберёшь!

Исторический роман – этот ответ на поверхности. Однако такую характеристику ему дать окажется слишком упрощённо. И к тому же получается, что книга изначально станет интересной только для любителей истории России XII века. А это не так! Вернее, не совсем так!

Тогда подходим с другого бока. Книга рассказывает о том, как ум современного человека переносится именно в те времена и вселяется в мальчишку… Это что-то интересное, – оживится любитель мистики; чушь какая! – охладится любитель истории.

Однако из дня нынешнего в далёкое прошлое отправляется ум не простого человека, а профессионального специалиста в сфере управления, который умеет манипулировать поведением людей. Наверное, подобный поворот рецензии ещё больше проредит ряды потенциальных читателей…

И вполне искренние слова о том, что всё сказанное выше о романе – это правда, но только следует возвести его в степень интересно раскрученного сюжета.

Итак, герой книги – современный специалист-управленец, пятидесяти с лишком лет от роду. В принципе, он хорошо владеет только своей профессией, и не шибко силён в других сферах деятельности. Он окончил советскую ещё школу, потом институт, а потому неплохо знает историю и культуру своей страны – неплохо, но на уровне именно хорошего ученика. Он отслужил в Советской армии срочную службу, и в силу этого имеет некие начальные знания в сфере военной. Он какое-то отношение имел к спортивному мореплаванию, и тут имеет азы навыков… Короче говоря, вполне обычный человек – у каждого из нас ведь имеются некие базовые знания и какие-то увлечения. Повторюсь: самое главное – герой является специалистом в сфере управления.

Волею автора романа он оказывается перенесённым в век двенадцатый, в Пинское княжество, в тело мальчишки.

Конечно же, в романе есть всё, что должно быть. Имеют место приключения, кровопролитные схватки, дружба, предательство, конечно же, любовь… Взаимоотношения людей крайне переплетены и сразу не разберёшь, кто прав, а кто виноват – как и в жизни. Поступки не всегда предсказуемы и порой даже нелогичны и психологически неоправданны – тоже как в жизни. Иной раз некий конфликт разрешает случайность, однако этим ходом автор не злоупотребляет, куда чаще промежуточный финиш оказывается результатом активных действий героев. А ещё следует отметить юмор автора, его умение не просто шутить, а создавать шутки, адаптированные к отечественному Средневековью…

Наверное, я увлёкся отвлечёнными рассуждениями. Нужно поближе к книге.

В чём её сила, мудрость, убедительность? Автор показывает, что система управления людскими массами всегда одинакова – что в дне нынешнем, что дне минувшем.

Деятельность героя книги приводит к фатальным ошибкам только в случаях, когда он недостаточно чётко просчитал алгоритм выстраиваемой комбинации. Если же он нигде в расчётах не ошибся, результат получается именно такой, как он планировал.

Мишка родился в семье, главы которой на протяжении нескольких поколений возглавляли княжескую сотню, которой в кормление отдана часть Погорынья – территории вдоль реки Горынь. Некогда могучая ратная сила, сегодня что семья, что сама сотня пребывают в упадке.

И вот в мальчонку вселился ум его далёкого-предалёкого потомка. Поначалу этот «пришелец» мирился с существующим положением дел – с бедностью, что его обижают более сильные соседские парни, с тем, что дед-инвалид руки опустил…

А потом…

Чувствуется, что автору книги хорошо знакома теория науки об управлении. Он умеет (умел! – к сожалению) выстраивать чёткие формулировки, определять цели и задачи, пути решения…

Так вот, потом вдруг наш герой осознал, что внешняя среда может меняться, но алгоритм руководства остаётся прежним!

Мишка поставил перед собой три задачи: добиться собственного авторитета, поднять социальный статус своей семьи, добиться подъёма материального благополучия рода. Какими средствами?.. Определил средства… Ну и пошло дело! Он начал тренироваться сам, привлёк сначала своих братьев к таким же тренировкам, организовал пасеку взамен бортничества-собирательства… Ну, не стану пересказывать книгу – это не так интересно, как читать её!

Только постепенно, ставя перед собой новые задачи и корректируя уже достигнутые, Мишка успел добиться немалого. К концу книги мы видим, что его дед стоит во главе дружины, в которой насчитывается несколько сотен отлично подготовленных ратников, сам же Мишка, несмотря на свои 15 лет, имеет чин сотника, и под его началом состоят хотя и такие же мальчишки, как и он сам, но они составляют Младшую дружину Погорынского воеводства… И с этой силой уже вынуждены считаться князья соседских земель.

Вот обозначил я стартовую и финишную точки повествования – и читатель скажет: эк, как ловко у автора всё получилось!.. Так ведь в книге всё вполне логично, и выстроено именно на основе управленческого мастерства героя.

Что и говорить, в некоторых фрагментах романа возникает чувство досады: не может ситуация развиваться именно так, вспыхивает несогласие с автором. Но потом оно, это недовольство, стихает: в конце концов, мало ли что думаю об этом я, один из читателей! Есть ведь и авторская точка зрения, и точки зрения других читателей! Может, и я неправ.

Но знаете, что меня больше всего зацепило…

Дело в том, что в описываемом эксперименте по заброске человека в прошлое Михаил был уже вторым. До него в то же время отправился предшественник.

И вот тот Предшественник, выведенный в книге как «боярин Журавль», завёл в своей вотчине порядки сродни средневековому фашизму. Он установил диктатуру с жестоким карательным аппаратом, организовал винокуренный завод… Боярин Журавль был озлоблен на весь белый свет, и мстил этому белому свету за своё положение.

Насколько же они оказались разными – эти два «засланца»! Они ведь оба изначально знали, что никогда не смогут вернуться назад, в СВОЁ время. Мишка эту данность принял, и начал устраивать свою жизнь соответствующе.

Правда, зная историю, стремился подкорректировать будущее Руси, дабы страна оказалась более готовой к нашествию Батыя. Кроме того, он имеет в виду, что должен подготовить клады-посылки для своих далёких потомков, которые в результате распада Советского Союза в конце XX века не смогут продолжить исследования в области путешествий во времени. То есть Мишка ставит цель вмешаться в ход истории, чтобы биография его Родины пошла по другому, более благоприятному пути развития.

А Журавль в это время, напротив, осознав, что ОТСЮДА нет выхода, озлился на всё человечество и пустился во все тяжкие в разгуле, в пьянстве и разврате.

Друг мой читатель! А посмотри-ка себе в душу! Как бы ты поступил в подобном случае?.. Право, сравнивая поведение этих двух героев, я не могу поручиться за себя, что стал бы последовательно-правильным, подобно Мишке. Ведь они оба знали, что оказались в эпохе, когда Русь продолжает дробиться, что княжества ослабевают, что впереди батыево нашествие и упадок протяжённостью в два с половиной века…

Это ж только представить себе! Я, человек из эпохи электричества, телевидения и интернета, эпохи автомобилей и самолётов… Да что там перечислять все блага нынешней цивилизации!.. И вдруг оказаться во времени, где ничего от этой цивилизации нет и в помине!.. Причём, это не вылазка в дикую природу, когда знаешь, что со временем вернёшься в привычный мир; и даже не необитаемый остров, на который попал потерпевший кораблекрушение, знающий, что где-то есть всё тот же современный мир, в который у тебя есть все шансы вернуться!.. Но каково осознавать, что ты попал в дикое для тебя Средневековье навсегда, и нет у тебя даже гипотетического шанса на возвращение!..

Ну как тут не понять «боярина Журавля», который временами впадает в дикие запои, требуя молодых девушек для утех. Да кого угодно тоска возьмёт от безысходности!..

А вот ведь, оказывается, не каждого!

Главный герой книги, Мишка, ещё совсем мальчишка. Но он поражает всех своими познаниями, умением просчитывать ситуацию… Он отговаривался, что, мол, много читает книг, которые имелись у его духовного наставника – сельского священника. Конечно, такое объяснение вызывало недоверие, однако окружающим приходилось принимать его – другого-то объяснения подобному феномену не существовало!

И вот во время одного боя стрела смертельно ранила сельского священника. И тот, будучи уже на смертном одре, спрашивает у Мишки: откройся – кто ты?.. И Мишка открылся: так, мол, и так, из будущего я!.. Реакция, которая последовала, оказалась совсем не той, что ожидал наш герой. Значит, будущее предопределено, значит, у человека нет свободы выбора, и следовательно он не несёт ответственности за неправедные поступки!.. Это стало сильнейшим ударом по представлениям немощного телом, но могучего духом старца. Да, парнишка нашёл слова, как развеять последствия этого удара, как сделать последние минуты наставника светлыми и проникнутыми надеждой. И всё же, всё же… На всё оставшееся время Мишка извлёк для себя урок из данного происшествия.

Да не счесть, сколько уроков извлекал Мишка для себя на протяжении повествования, сколько усваивал постоянно!.. Учился, учился, чтобы впредь не совершать необдуманного!

А как он переживал, как вокруг погибали его подчинённые. В подчинении ведь у него были мальчишки – совсем ещё мальцы!.. Погибали в том числе и по его, Мишкиному, недогляду, по его, Мишкиным, ошибкам!.. А как за душу беруще описана гибель парня, который прикрыл Мишку собой – а сам Мишка не сразу и вспомнил того парня!

Нет, пересказать эту книгу просто немыслимо!

Просто запомни, читатель: Евгений Красницкий, эпопея «Бешеный Лис»: роман «Отрок» и её неоконченное продолжение «Сотник».

И повторюсь. Не знаю, кто там, наверху, распоряжается, сколько прожить на Земле Писателю. Но в данном случае явно этот вершитель наших судеб что-то недоглядел – рано, безжалостно рано покинул нас этот Автор!

К слову, его вдова и ещё кто-то собирались написать продолжение «Сотника». Быть может, написали, не исключаю, что получился шедевр, но мне читать его не хочется. Потому что *другие* авторы не могут завершить *эту* книгу. Другие могут написать другое – хуже или лучше, тут уж как талант даден, но только финал каждой недописанной книги писатель уносит с собой. В Вечность.

Хотел уж и поставить на том точку. Но тут вдруг вспомнил стихотворение «Немецкая тетрадь», которое написала дагестанская поэтесса Юлия Зачёсова. Оно обращено к поэту, убитому на поле боя, в тетради которого отсутствовали последние страницы.

Как срок настанет мне с землёй проститься, –
С ним встретимся – в раю или в аду, –
Спрошу, что там, на порванных страницах.

Поэтический образ, конечно, хорош. Однако мы-то знаем, что окончания «Сотника» в его авторском исполнении мы не узнаем никогда. К превеликому моему сожалению.

Сергей ФЕДЯКИН

Проза редкой свежести

Отзыв на роман Сергея Мурашева «Ленты Мёбиуса»

Роман – из тех, что нужно читать медленно, поскольку основной сюжет его – не события, которых много, но "движение жизни". Это настоящая живая проза. Она полна той редкой свежести, которой сейчас в литературе почти не сыщешь. Автор пишет о "счастье простой жизни". (Даже в трагических событиях это счастье ощутимо.) Мурашев не просто рассказчик, но *художник*, способный словами *изображать*.

«За окном, как и всю неделю, шумит дождь; с крыши сбегают струи воды; капли, попавшие на стекло, скользят вниз. Кажется Алёше, что он находится под водой внутри батискафа, который со страшной скоростью поднимается из пучины к поверхности океана. Счёт времени потерян. Иногда тюль дождя сдёргивается на пару минут и за окном виднеется, давно изученное до мелочей, лицо соседнего дома, который сильно просел на один угол и, кажется, сейчас стронется с места и поплывёт, разбивая просевшим углом воду».

Здесь точно передано и ощущение, и выразивший его образ батискафа, и мимоходом брошенный «тюль дождя», и «лицо соседнего дома» в окне. А вот несколько фраз о местечке у костра:

«Лежишь этак на спине в дрожащем коконе света, окружённом непроницаемой темнотой. Шевелиться не хочется. Под лопаткой чувствуешь еловый сук, с одного бока подбирается холод, с другого – приятно греет огонь. Сам уставился в ночное небо, с которого, сквозь кроны сосен, глядят на тебя звёзды. Костёр пощёлкивает, пускает иной раз щепотку искр…».

И опять всё точно, вплоть до этой самой «щепотки искр». И таких цитат можно привести множество. Автору удаётся передать не только «эпизоды», но и облики персонажей. Более того, передан и рельеф местности – эти холмы и впадины, высокая и низкая части берега. А стоит прочитать начало, где Емеля плывет выбирать сети, а потом более позднюю сцену с рыбалкой, вдруг чувствуешь, что в самом начале течение в реке быстрее, и вспоминаешь – то было весной, когда вода поднимается. Автор ничего не сказал «напрямую», и потому столь безошибочно сработало чутьё художника.

Даже если забыть о сюжете, невозможно отстраниться от ощущения, что прозаик заставил увидеть тебя и этих людей, и эти дома, и это кладбище, и этот в чём-то дикий и замечательный край. Сцена, где вполне "по-хозяйски" забивают телёнка (её читаешь с ужасом, жалостью, состраданием и с принятием этого ужаса), или рассказ одного из жителей, как он делал из цельной осины лодку, или эпизод с машиной, которая едет по опасному речному льду, – из тех, что будут долго стоять в памяти.

Вроде бы описан год, который герои провели в деревне. Вместе с тем это место и это время ощущаешь, как малый «островок» в том большом мире, который существует вокруг нас.

Роман называется «Ленты Мёбиуса». Математики знают, что «лист Мёбиуса» – это, в сущности, наглядная модель односторонней поверхности. Хотя можно при желании увидеть в этой фигуре и символ бесконечности. Те природные уголки и виды, которые живописует Сергей Мурашев, – их никак нельзя назвать «односторонними». При этом чувствуешь, что жизнь, явленная в романе, – это, действительно, часть всеобщей, бесконечной жизни.

Александр БОБРОВ

Золотая кувшинка поэзии

О лирике Нины Поповой

В дальней дороге, среди скал и солёных ветров Черногории, прочитал вдруг строфу Нины Поповой – стихи, долетевшие с волжских берегов, с низовьев великой русской реки:

Здесь жарко дует суховей.
И у реки песок горячий.
И пахнет по ночам кипрей
Грозою, юностью, удачей…

Сразу пахнуло свежестью и Отечеством! Нина, которая много лет приходила в нашу поэтическую студию «На Никитской», являла образец добросовестности и внимательного отношения к сотоварищам, писала серьёзную диссертацию о творчестве Павла Васильева, но вдохновенно и упорно создавала свой поэтический мир, пронизанный тревогами и болью нашего времени, поисками заветной темы, дорожными ветрами:

Выбираю совесть, а не страх, –
Мне Россия сердце подарила,
На её берёзовых ветрах
В отчем слове – праведная сила!

Этими программными строчками Попова открывает книгу своего избранного – «На берёзовых ветрах». Признаюсь, что название подсказал автор этих строк, когда книгу надо было сдавать в набор, а имени выстраданному детищу – не находилось. Мне был хорошо понятен этот оправданный образ лирической героини, которая всегда в пути, в поисках ввыстраданного слова, в идейной борьбе, да не побоимся этого публицистического оборота!

Я тропинка на вечных просторах России,
Среди множества тропок родимой земли…
Русь моя, подари и любовь мне, и силу!
А душа заболит – под крылом исцели.

Нина Попова под крылом России и старших товарищей, в частности, мастера Валентина Сорокина, закончила Высшие литературные курсы, стала вести огромную общественную работу, часто выступать перед ветеранами, заниматься военно-патриотическим воспитанием подрастающего поколения. Она восторженно пишет о Бессмертном полку, молится за Украину: «Господи, верни здоровье Украине…», вспоминает о ветеранах-афганцах. Она – откровенный, безоглядный патриот, хоть сегодня это чревато непониманием, а то и предвзятым отношением. Дожили! Но так было в России и в другие века. Недаром Попова обращается мысленно к великому предшественнику, гениальному поэту и храброму офицеру Лермонтову, которого царь лично и не раз вычёркивал из наградных списков:

Выхожу на старую дорогу…
Так когда-то выходил поэт.
Успокоит лунную тревогу
Несказанный лермонтовский свет…

Эта ночь, разодранная в клочья,
На туман похожий горький дым,
Воронье нахальное пророчит
Горькую судьбину молодым…

Она сама долго пребывала в этом звании молодой, начинающей, усваивающей уроки. Но потом совершила стремительный рывок, обрела свой чистый и уверенный голос, стойкость перед любым критиканством и усмешками:

Усмехались – слова любви,
О которых слагаю песни,
Может быть, совсем не мои,
А давно уже всем известны…
Эту боль от укусов злых
Исцелю на ветрах студёных,
Я, убогих, жалею их,
Никогда ни в кого не влюблённых.

Кто разберётся в соотношении известных и незаёмных слов в лирической исповеди? Главное, чтобы читатель поверил, проникся, разделил обуреваемое чувство:

Я выбрала твоё – из всех имён,
На голос твой заворожённо шла,
Своих волос зовущий пряный лён
Вплела в твои – смолёного крыла.
Не ведаю, кого со мной забыл
И с кем делил томительный свой стон…
Готова променять я целый мир
На этот, мною выдуманный сон!

Волшебный сон продолжает длиться, стихи пишутся и публикуются, ложатся дальние и ближние дороги. Вышла весомая книга избранного, можно оглядеться, перевести дыхание, сверить оценки. Лично мне бы хотелось пожелать бывшей подопечной, а теперь коллеге по цеху – более точного и внятного слова, отточенного образа, чтобы эмоциональность и безоглядная интонация не приводили к выспренним красивостям и небрежным рифмам:

Шла я, стирая в кровь
Душу, зимой и летом…
Греясь кострами зорь,
Зрея небесным светом.

Одна из восторженных читательниц назвала Нину Попову золотой кувшинкой русской поэзии. Мне понравилось это определение, которое неожиданно вспомнилось на Дону. Я с внуком и внучкой пошёл со спиннингом на тихий залив. Стал им объяснять, что щука любит стоять в зарослях лилий… ой, кувшинок. «Лилии – белые, а кувшинки, видите, желтеют…». Пока я это объяснял, блесна летела к глянцевым, сердцеобразным листьям. И только я начал подматывать леску – сразу взяла крупная щука к восторгу малышей. Я стал выводить, моля Бога, чтоб сильная рыбина не сошла с небольшой вертушки. Нина – сама опытная рыбачка и, надеюсь, понимает, к чему я повёл рассказ: надо к красивости золотой кувшинки, романтичности – добавить побольше зримости, поэтической конкретики, щучьей хватки. И тогда будет полная и гармоничная картина…

Максим ЕРШОВ

Убить императора

О романе Владислава Артёмова «Император»

В 1612 году иезуиты, поляки и бог весть кто там ещё хотели поставить Россию под контроль. Годунова, по всей видимости, отравили (нечего Московский патриархат учинять, когда орден Иисуса только развернулся в полную силу до восточных границ Европы!). И надо было им своего царя-то подсунуть. Но люди русские не допустили. Страшное было время, но хватило и ума и сердца.

В 1812 году появилась революционная армия, попёрлась в Москву – Кремль крушить, в соборах гадить. Если бы они взяли и убили царя Александра, и объявили, что русский народ наконец скинул вековое ярмо царизма – поэтому вот ему новый правильный царь со своим политбюро… Поверили бы россияне, что они победили в этой войне? Нет, не поверили бы.

А через сто лет – поверили. Пришли во время войны неизвестно кто, убили царя, сели на его место и объявили счастье. И оно не заставило себя ждать. Потому что поверили. В чужое поверили, потому что стали меньше верить в своё. И своё обиделось. И ничего *своего* не осталось.

Автор «Императора» – сказитель. И сказание его эпично, оно как Слово о Полку, перемноженное на коэффициент произошедшего с нацией. И над русской землёй летают уже не гагары и вороны, а человеческие души да бесы. *«Азиаты отдельно, славяне отдельно, менты отдельно». «Любое, даже единичное и случайное событие – есть проявление всеобщей закономерности. То, что мы не видим системы, говорит лишь об узости нашего кругозора».*

Из карнавала, хоровода, из визга и хохота непременно должен торчать красный язык трагедии. Шуту всё равно в итоге достаются слёзы. Но ещё больнее от того, что похожему внешне на Сергея Есенина Ерошке Бубенцову никак нельзя проявить себя иначе. Только *в роли шута в специально подстроенный момент бездарного представления*. Во-первых, Ерошка просто гражданин России. Во-вторых, сказать он хочет то, что давно не помещается в реальность. В ту, где мы живём, к которой привыкли и которая претендует быть незыблемым будущим. Я понимаю Бубенцова Ерошку. Я сам такой же вот точно ерошка: если меня нет – это правильно, ну а если хочу явиться – то пожалуйте шутовской наряд. Чтобы остались целыми рёбра.

«Ерошка стоял посреди сцены в ослепительном круге света. Озирался, щурил глаза. Сухим жаром несло от софитов и юпитеров, празднично сияло всё вокруг. Не то чтобы он смутился, утратил решимость… Хмельной порыв, который вынес его на публику, немного отступил. Но всего лишь на секунду, как отступает волна, чтобы накатить и ударить с новой силой.

Зал всколыхнулся, насторожился. Там и сям поднялись и выросли над рядами взволнованные головы. Бубенцов же почувствовал необыкновенную лёгкость и свободу. Обтягивающее трико ничуть не сковывало движений. Даже огромного своего, торчащего, выставленного на всеобщее обозрение гульфика он уже не стеснялся! Наоборот!..

– Правды и справедливости?! – прогремел Бубенцов. – Нет правды на земле! Но нет её и выше!..

Только и всего. Здесь он ненадолго замолчал, не зная, как продолжить. Не оговорился ни единым словом больше. Это-то и удивительно! Неужели одно только выспреннее упоминание о правде и о справедливости произвело столь сокрушительное воздействие? Пусть вещали о ней уста нелепые, крамольные, шутовские».

Диагноз этот слишком многозначителен. «Бедный русский Гайвата!– писал некогда Есенин в письме из Америки. Кажется, он, Есенин, прозрел именно там. И это прозрение стало ему приговором. Поэт разбил одно зеркало («Чёрный человек»), Ерошка Бубенцов – другое. Артёмов говорит, что это зеркало одно и тоже:

«Рванулся, вскочил на ноги, дотянулся… Тяжёлый снаряд полетел в гущу врагов.

Взвыли страсти человеческие!.. И не семь их было, не семь, а гораздо, гораздо… Но, увы, ему не удалось разрушить бюргерский мир. И даже ни единой кегли не смог он повалить. Хотя и попал очень удачно, в самую серёдку. Потому что весь этот чуждый, враждебный мир, в который он целился и в который метнул сокрушительный снаряд, был всего лишь отражением в гигантском настенном зеркале.

С великолепным громом, замедленно, плавно, отваливаясь большими кусками, падало зеркало, высвобождаясь из бронзовых оков. Ударившись о светлый мрамор пола, развесёлыми брызгами плеснуло по щиколоткам. Радуга вспыхнула в облачке мельчайших осколков, зависших в воздухе. Оператор телевидения с вывалившимся от наслаждения языком снимал бесценные кадры. Радуясь величайшей творческой удаче, запечатлевал то, что больше уже никогда и нигде не повторится в мире».

Артёмов подметил вещь роковую. Нам не выбраться из зеркального лабиринта, пока мы не признаем в себе равенства солнцу. Но разве это возможно в таком государстве? *«Ведь только юродивый да пьяный человек приобретают законное право говорить на этой земле правду».*

Сущность истории заключается в установлении и сохранении господства. Как только технологии (с началом использования пороха) стали значить больше, чем значит отвага в военном деле, стал побеждать тот, кто мог купить более технологичное оружие. Господство – подчинение человеческих масс для чёрной работы – стало перетекать от булата к злату (помните, конфликт того и другого у Пушкина?). С появлением в Голландии первого банка, революции стали неизбежны. Уцелели лишь те боги, короли и рыцари, которые служат злату. И не надо удивляться, если государство не способно победить коллекторов. Оно ничего не способно победить, кроме Ерошки Бубенцова, побеждённого сто лет назад. Потому что для корпорации народа нет. Есть баланс, расчёт, конкурирующие фирмы. В глобальном контексте отражается сущность высоких побед, в оптимизме оптимизации и будущем бюджета. Если вместо истины – армия, это не очень хорошо. Потому что национальной армии без национальной школы нет даже и в Америке. Бюджет и отчёт не исчерпывают вопросы о том, где находится наша школа, наша культура, наша литература. И чему все они служат.

Первой части романа предпослан эпиграф-максима Игнатия Брянчанинова. Можно уточнить, отметив, что